
Сверхбогатые в России: состав и динамика группы

С.В. МАРЕЕВА*, Е.Д. СЛОБОДЕНЮК**

*Светлана Владимировна Мареева – кандидат социологических наук, заведующая Центром стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, smareeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

**Екатерина Дмитриевна Слободенюк – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, eslobodenyuk@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-5050>

Цитирование: Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2024) Сверхбогатые в России: состав и динамика группы // Мир России. Т. 33. № 1. С. 29–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-29-55

Аннотация

Исследование посвящено труднодоступной и сравнительно мало изученной группе – сверхбогатым россиянам. Объектом исследования выступили россияне, входившие в списки богатейших бизнесменов Forbes с 2004 по 2021 г. На основании специально собранной эмпирической базы проанализирован состав группы по ключевым социально-экономическим и демографическим показателям, прослежены его изменения в ходе новейшей истории России, оценена общая динамика группы. Выявлено, что группа в значительной степени воспроизводит свой состав – ежегодно практически на 90%, в среднесрочной перспективе – примерно на две трети. За последнее десятилетие ключевые характеристики ее состава в силу невысокой степени обновления изменились слабо, но ряд тенденций заслуживает внимания. Группа сверхбогатых сегодня состоит преимущественно из лиц мужского пола, хотя в последние годы в ней появились и женщины. Она характеризуется высоким образовательным уровнем ее представителей, хотя сравнительная значимость образования сверх высшего для них со временем снижается, и оно частично замещается зарубежным образованием, в том числе для детей. Представителям группы свойственно скорее высокое социальное происхождение (однако данные для старшего поколения бизнесменов, преобладающих в составе группы, в этом отношении ограничены). По характеристикам места рождения и места получения высшего образования группа все больше сдвигается в сторону столиц, где концентрируются жизненные возможности, хотя в этом отношении пока все же остается неоднородной. Этой неоднородности способствует смещение

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Статья поступила в редакцию в феврале 2023 г.

в ее составе в сторону россиян старших возрастов, места рождения и образования которых более дифференцированы. В силу устойчивости состава группы она пока продолжает стареть. Сверхбогатые россияне сегодня неоднородны и по карьерным траекториям обретения успеха: в группе представлены бизнесмены, начинавшие свой трудовой путь как с высоких профессиональных позиций, так и с низких; со временем растет доля тех, кто начинает свой путь с позиций вне найма. Показано, что за последнее десятилетие отраслевой срез бизнесов российских сверхбогатых изменился слабо, отразив отсутствие фундаментальных структурных трансформаций в экономике, хотя все большую роль в нем начинают играть отрасли, связанные с сектором услуг и созданием информации/технологий. Выявленные характеристики и динамика группы, с одной стороны, отражают особенности развития страны с изменением сравнительной роли разных отраслей, снижением роли государственного сектора как «точки старта», концентрацией возможностей в столичных городах. С другой стороны, устойчивость группы обеспечивает инертность ее характеристик и отсутствие качественных преобразований в ее составе и портрете в 2000–2020-х гг., в отличие от периода 1990-х гг., когда обновление группы было гораздо более высоким, а изменения в ее портрете заметными.

Ключевые слова: сверхбогатство, российская бизнес-элита, неравенство, социальная стратификация, концентрация богатства, *Forbes*, структура группы сверхбогатых

На сегодняшний день Россия характеризуется очень высокой концентрацией доходов и богатства в руках верхушки. По разным оценкам, верхнему 1% населения принадлежит около 20% совокупного дохода и более половины богатства страны [World Wealth Report 2021; Global Wealth Databook 2021]. Резкий скачок концентрации произошел в период реформ, и в ходе дальнейшего развития страны эта проблема только усугублялась [Novokmet et al. 2018]. В условиях пандемии число долларовых миллиардеров в России продолжало расти, отражая общемировые тенденции. В 2022 г. оно резко сократилось после начала специальной военной операции (со 123 до 88), но в 2023 г. вновь увеличилось до 110 чел. При этом эксперты ожидают дальнейшего роста концентрации доходов и богатства в руках меньшинства даже независимо от того или иного сценария развития¹. Таким образом, проблема концентрации доходов и богатства продолжает выступать одним из ключевых вызовов для устойчивого социально-экономического развития России в условиях новой турбулентности.

Более того, наиболее яркие отличия ситуации в России от положения в других странах проявляются на уровне даже не 1%, а 0,001% [Chauvel 2022]. Но несмотря на значимость небольшой группы сверхбогатых россиян в формировании общего контура неравенства по богатству в стране, она остается слабо изученной. В научном дискурсе фигурирует лишь несколько публикаций, посвященных российским сверхбоатым (это характерно, в принципе, и для других стран мира). В данном исследовании мы предпринимаем попытку расширить знание об этой группе – изучить ее социально-экономический портрет, а также ответить на вопрос о том, какие изменения произошли в ней за последние 10 лет. Мы выходим за пределы экономического подхода и анализируем не богатство как таковое,

¹ Обзор форсайт-исследования НИУ ВШЭ подробнее см.: Селина А.В. (2022) Будущее под санкциями // IQ.HSE.ru. 21 марта 2022 // <https://iq.hse.ru/news/821709241.html>, дата обращения 12.12.2023.

а состав, устойчивость и динамику группы, обладающей этим сверхбогатством. Мы, однако, не затрагиваем вопрос соотношения этой группы с бизнес-элитой: они выступают пересекающимися подмножествами, но мы сознательно оставляем за пределами данного исследования сюжеты об экономической власти представителей этой группы и ее возможностях влиять на политические решения. Это направление представляет высокий интерес в рамках теории элит и ставит важные вопросы о путях формирования и сохранения экономической и политической власти в российском обществе. При этом в данном случае объект исследования сознательно задается нами как группа сверхбогатых россиян, определяющая специфику неравенства по богатству в стране в самой верхней части распределения.

В статье последовательно раскрываются четыре сюжета. В первом разделе изложена ключевая информация об особенностях сбора эмпирических данных о сверхбогатых и источниках, к которым прибегают различные международные организации и исследователи, а также представлено методологическое пояснение специфики данного проекта. Во втором разделе обозначен краткий обзор проведенных ранее исследований, в фокусе которых находилась группа сверхбогатых, особенно российских. В третьем разделе анализируются данные о динамике состава группы сверхбогатых россиян в 2004–2021 гг., делаются выводы о масштабах ее обновления. В четвертом разделе представлены социально-экономический портрет группы и его изменения за минувшее десятилетие. В завершающем разделе подведены итоги исследования.

Источники эмпирических данных о сверхбогатых и методологические особенности их изучения

Приступая к анализу столь малодоступной группы, как сверхбогатые, исследователи сталкиваются с двумя задачами: 1) обоснованного отбора объектов наблюдения (формирования выборки исследования) и 2) создания самой базы данных, то есть поиска информации о выбранных объектах наблюдения. Со второй задачей работает не столь большое число ученых, отдавая предпочтение анализу монетарных индикаторов (их динамики, дисперсии и пр.), на основе которых объект и выделяется. Первая же задача решается по-разному в зависимости от доступности данных и необходимости прибегать к экспертным оценкам доходов и благосостояния.

Относительно более простой первая задача выступает для международных организаций, предоставляющих сверхбоатым лицам брокерские, консалтинговые и прочие услуги. Некоторые из этих организаций проводят собственный анализ группы сверхбогатых, направленный на глубокое понимание целевой аудитории. Они также могут обладать и иными данными о клиентах, что облегчает для этих организаций решение и второй задачи. На протяжении 25 лет свои отчеты предоставляют *Capgemini* в коллаборации с *Merrill Lynch Wealth Management group* (последний отчет: [World Wealth Report 2021]), с 1999 г. – *Boston Consulting Group* [When Clients Take the Lead 2021], с 2000 г. – банк *Credit Suisse* [Global Wealth Report 2021]. Источниками данных для них выступают собственные архивы, дополненные официальной статистикой из различных стран мира (для оценки

доходного распределения среди остального населения); также они используют и списки богатых граждан, сформированные экспертным путем².

Некоторые организации, не имеющие собственных данных о сверхбогатых, прибегают к сбору данных с опорой на сторонние источники и дополнительные расчеты на их основе. Внушительных результатов на этом пути достигла команда исследователей, которая сформировала базу данных о доходах сверхбогатого населения – *The World Top Incomes Database* (WTID), на сегодняшний день интегрированную в более широкую базу *World Inequality Database* (WID)³. WTID была сформирована и обнародована в начале 2011 г.; она охватывает более 30 стран мира, в последние годы сбор данных ведется более чем по 40 странам. Границей доходных групп, в том числе сверхбогатства, в данном случае выступают относительные показатели – проценти́ли.

Нельзя обойти вниманием и данные *Forbes*, аналитики которого формируют авторские экспертные рейтинги богатейших бизнесменов, государственных служащих и других. *Forbes* имеет внушительный опыт сбора информации о доходах и богатстве: первый рейтинг богатейших граждан США был сформирован еще в 1918 г. На сегодняшний день организация представлена в 70 странах мира⁴ и рассчитывает как национальные, так и общемировые рейтинги. Информацию о доходах *Forbes* собирает на основе деклараций о доходах индивидов и их ближайших родственников из различных ведомств и структур органов власти, а данные о богатстве – на основе стоимостных оценок активов (вне зависимости от их ликвидности), объектов недвижимости и личного имущества. В рейтинги включается определенное число лиц, удовлетворяющих заданному минимальному пороговому значению. В ряде исследований отправной точкой для определения выборки выступают именно рейтинги *Forbes*, в то время как вторая задача – формирование релевантной базы данных с интересующими исследователей показателями – реализуется посредством сбора данных по указанным лицам из вторичных источников [Neumayer 2004; Lu 2017; Korom et al. 2017; Treisman 2016]. Этому пути следуем и мы в рамках данного исследования.

В некоторых ситуациях исследователи прибегают к данным налоговых служб для отбора объектов наблюдения, однако доступ к этим источникам затруднен: по этой причине подобные инициативы на уровне отдельных исследовательских коллективов встречаются редко [Kuusela 2018; Elinder et al. 2018].

В США источником для исследования сверхбогатства выступает опрос домохозяйств о потребительских финансах (*Survey of Consumer Finances*), реализуемый Федеральной резервной системой раз в три года начиная с 1983 г. Выборка исследования построена таким образом, чтобы адекватно представить все население, в том числе и верхнюю часть доходного распределения: она включает в себя как вероятностную многоступенчатую выборку всего населения, так и дополнительную выборку домохозяйств с наиболее высокими доходами, составленную на основании данных налоговой службы США [Keister; Lee 2017].

Для анализа отдельных аспектов сверхбогатства используются также и качественные методы. Ярким примером является исследование Э. Шимпфоссл,

² См., например, методiku Credit Suisse [Global Wealth Databook 2021, pp. 4–11].

³ На сегодняшний день она размещена в открытом доступе на официальном сайте World Inequality Database: <https://wid.world>, дата обращения 12.12.2023.

⁴ Согласно данным с официального сайта журнала Forbes: <https://www.forbesmagazine.com>, дата обращения 12.12.2023.

которая провела более 80 интервью с богатейшими россиянами [Schimpfössl 2018]. Обращают на себя внимание качественные исследования и в других странах [Atkinson 2016; Kuusela 2018; Kantola 2020; Hecht 2017].

Таким образом, формирование выборок и баз данных о сверхбогатых представляет собой нетривиальную задачу. База данных WID позволила продвинуться по пути сопоставимых сравнительных исследований сверхбогатства, носящих экономический характер, в центре которых оказываются доходы и состояния сверхбогатых. Исследования же социологического характера, направленные на выявление специфики этой социальной группы, остаются в высокой степени индивидуализированными и дифференцированными по конкретным задачам, хотя в настоящее время предпринимаются первые попытки формирования межстрановой базы данных об элитах (и сверхбогатых как ее части), носящей социологический характер [Savage, Hjellbrekke 2021].

В данном исследовании объектом являются россияне, которые хотя бы раз попадали в ежегодно публикуемый список богатейших бизнесменов *Forbes* в период 2004–2021 гг. В этот список включаются только те россияне, которые заработали основную часть своих состояний частным путем, не являясь госслужащими⁵. *Forbes* также составляет списки богатейших госслужащих и силовиков, однако критерием для включения в списки выступает декларированный семейный доход, а объемы богатства попавших в списки россиян не оцениваются. Поэтому нами было принято решение использовать для анализа сверхбогатых россиян только список богатейших бизнесменов. Формирование базы данных об этих лицах (379 чел.) осуществлялось путем изучения открытых источников, включающих биографические статьи, интервью и прочее. Сбор данных производился с сентября 2019 г. по июнь 2022 г.

Одним из спорных моментов выступает степень достоверности и корректности данных, на которых основан список *Forbes*, но он как минимум дает возможность оценки структуры, динамики и устойчивости группы «заметных» богатых вне зависимости от точности оценок их состояний [Lu 2017].

Еще один момент касается изменения численности российских списков *Forbes*. В 2005–2010 гг. список включал в себя 100 бизнесменов, но с 2011 г., когда число миллиардеров в России превысило 100 чел., он был расширен до 200 бизнесменов. С учетом этого мы используем сопоставление данных по двум периодам: 1) 2011–2021 гг. (все 200 чел.), и 2) 2004–2021 гг. (только 100 чел., то есть из рейтингов 2011–2021 гг. для анализа отбираются только верхние 100 позиций).

Научная база в области исследования сверхбогатых

На сегодняшний день наиболее распространены экономические работы, которые в большинстве своем фокусируются на вопросах распределения доходов/богатств, глубине неравенства по этим показателям и их динамики в историческом контексте

⁵ Подробнее о методике составления рейтингов см. официальный сайт Forbes: 200 богатейших бизнесменов России — 2021. Рейтинг Forbes // Forbes // <https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes>, дата обращения 12.12.2023.

[Elinder et al. 2018; Korom et al. 2017; Neumayer 2004; Treisman 2016; Keister, Lee 2017], в том числе в срезах разных групп, например, демографических [Keister et al. 2021], или же на более узких прикладных задачах, например, анализе специфики финансового поведения сверхбогатых лиц, их потребительских предпочтений [When Clients Take the Lead 2021]. Социологические исследования отличаются вариативностью постановки исследовательских задач. Среди них можно выделить работы по разным направлениям:

1) поднимающие вопросы о соответствии ценностно-нормативной системы общества, социальной политики и легитимации существования в тех или иных обществах сверхбогатых граждан (что особенно типично для стран с социал-демократической моделью социальной политики [Kuusela 2018; Kantola, Kuusela 2019]);

2) изучающие сверхбогатых с точки зрения социологии пространства, территориальной мобильности представителей группы, формирования сверхбогатыми пространств как «социальных арен» для реализации своих потребностей и признания [Atkinson 2016; Storti, Dagnes 2021];

3) анализирующие социальные сети и социальное взаимодействие сверхбогатых [Larsen, Ellersgaard 2015];

4) исследующие роль культурных, экономических, политических ресурсов в формировании подгрупп [Hjellbrekke et al. 2007; Lu et al. 2021];

5) выявляющие внутреннюю структуру группы сверхбогатых и изменение ее состава со временем (к этому направлению относится и данное исследование) [Lu 2017; Lu et al. 2021], а также процессы воспроизводства сверхбогатства [Storti, Dagnes 2021];

6) предпринимающие попытки инновационных методик сбора и анализа данных, в том числе их машинной обработки.

Более глубокое представление об исследовательских направлениях в области изучения сверхбогатых можно сложить, прочитав работу М. Севэджа [Savage, Hjellbrekke 2021].

Отдельно следует остановиться на наиболее значимых результатах исследований, объектом которых выступили российские сверхбогатые или представители бизнес-элиты и олигархии⁶. С. Гуриевым и А. Рачинским [Guriev, Rachinsky 2005] был составлен список из 22 олигархов, зафиксированных в 2003 г. Авторы показали, что на тот момент олигархи доминировали в крупнейших отраслях промышленности, характеризующихся высокой концентрацией (причем по высокой концентрации доли рынка в руках олигархов Россия отличалась как от европейских стран, так и от США). Большинство олигархов образца 2003 г. были достаточно молоды и являлись либо представителями советской номенклатуры, трансформировавшими свой контроль над предприятиями в собственность в ходе приватизации, либо построили бизнес с нуля в конце 1980-х гг., получив к 1992 г. достаточный финансовый капитал, который позволил им выгодно участвовать в приватизации.

Анализ неоднородности группы сверхбогатых был реализован С. Брагуинским [Braguinsky 2009] на данных 1995 г. Изучив карьерные пути 296 представителей первой волны посткоммунистической бизнес-элиты, он выделил среди

⁶ Повторимся, что бизнес-элита не отождествляется нами со сверхбогатыми. Однако в силу очень ограниченного количества подобных исследований об экономической верхушке российского общества мы приводим результаты соответствующих исследований бизнес-элиты, а также апеллируем к ним для сравнения с результатами собственного исследования.

них две подгруппы: «инсайдеров», перешедших в эту группу из состава привилегированной номенклатуры, и «аутсайдеров», не имевших подобной социальной базы, но успешно воспользовавшихся новыми рыночными возможностями (более молодых и образованных, чаще являющихся выходцами из Москвы). Исходно «аутсайдеры» представляли собой потенциальную базу для создания нового класса эффективных управленцев-предпринимателей высокого уровня. Однако по мере дальнейшего развития страны и карьерных путей сверхбогатых, они сами сформировали особые отношения с государством, во многом сгладив исходные различия между собой и «инсайдерами». С. Брагуинский заключает, что не они изменили правила игры, а сами были изменены этими правилами, вписавшись в существующую институциональную среду.

Более позднее исследование состава и динамики бизнес-элиты в 1990-е гг. представлено в работе О.В. Крыштановской [Крыштановская 2002]. Выборку исследований составили наиболее влиятельные бизнесмены, выявленные по результатам экспертного опроса, для которых далее собирались биографические данные. В исследовании отмечены интересные тенденции, происходившие в группе в 1993–2001 гг., – небольшое омоложение ее состава; растущая степень «провинциальности» ее представителей, вызванная структурными изменениями и сдвигом от спекулятивного сектора к реальному, что привело к замещению московских финансистов региональными промышленниками; рост уровня образования, в том числе доли имеющих второе высшее (чаще юридическое или экономическое); сокращение доли получивших образование гуманитарного профиля (забегая вперед, скажем, что в нашем исследовании, охватывающем другой период времени, эти тенденции приобрели обратный характер). Показано, что при изменении за этот период состава и структуры этой группы ее связь с политической элитой советских времен оставалась тесной, хотя и приобрела новые черты. Важно, что в это время группа бизнес-элиты обновлялась достаточно активно: так, из ее состава образца 1993 г. свой статус смогли сохранить только 15% (хотя большинство остались в бизнесе): к этому привели структурные изменения на рынке и кризис 1998 г.

Еще одно интересное исследование было реализовано Д. Трейсмано на данных списка богатейших бизнесменов *Forbes* [Treisman 2016]. Он показывает, что рост числа миллиардеров в России в период 1996–2015 гг. в целом соответствует мировым тенденциям (что поддерживает предположение о том, что высокая концентрация богатства в стране в большей мере выступает результатом действия глобальных сил, чем страновой специфики, включая процесс приватизации). При этом для российского общества оказывается характерна более высокая численность миллиардеров, чем это можно было бы ожидать с учетом других экономических показателей (численности населения, уровня доходов, интеграции в мировую экономику, степени капитализации рынка и институциональной защиты прав собственности). Д. Трейсман также отмечает, что, вопреки типичным представлениям, на момент 2015 г. менее половины российских миллиардеров приобрели свое богатство благодаря приватизации. К 2015 г. их отраслевая принадлежность заметно диверсифицировалась, и ключевые направления деятельности стали включать финансы наравне с ресурсами, а также торговлю, недвижимость и ИТ. Д. Трейсман делает интересные выводы об устойчивости миллиардеров в России: те, кто оказался в составе этой группы до 2008 г., были более устойчивы, чем «новички» и миллиардеры в некоторых других странах, включая США.

Необходимо отметить еще одно важное исследование уже социологического характера, реализованное Э. Шимпфоссл [Schimpfössl 2018] на основе более чем 180 интервью с богатейшими россиянами и их ближайшим окружением. Особенностью этой работы было фокусирование на представлениях самих сверхбогатых и их историях, а не на специфике их объективного положения. Автор показывает, что 2000-е гг. принесли с собой не только стабилизацию положения, но и новые нормы и установки среди сверхбогатых, что позволяет увидеть процесс трансформации олигархов из «новых русских» в русских буржуа. Культурный капитал приобретает среди богатейших россиян все большую значимость, и это способствует стремлению к конструированию социального статуса, подчеркивающего происхождение из кругов интеллигенции и позволяющего легитимировать воспроизводство их высокого общественного положения. Эта задача усложняется тем, что для большинства сверхбогатых социальный взлет обеспечили события 1990-х гг., но они стремятся дистанцироваться от неоднозначных событий тех лет. Автор также отмечает, что по сравнению с 1990-ми гг. конкуренция между сверхбогатыми в 2000-е гг. снизилась, и это стимулировало развитие процессов их самоидентификации как единого класса и начало формирования классовых интересов, хотя до сих пор группа остается высоко гетерогенной.

Интересно также и недавнее исследование Ю.Г. Агафонова и В.Р. Лепеле [Агафонов, Лепеле 2016], в рамках которого на схожей с нашим исследованием выборке, включающей лиц, входивших в список богатейших бизнесменов *Forbes* с 2005 по 2015 г., были изучены их биографические траектории. Проведенный анализ продемонстрировал, что российская бизнес-элита не является полностью закрытой группой, ее границы проницаемы для предпринимателей, а пути к открытию «золотых дверей» можно сгруппировать в несколько типовых траекторий. Причем пополнение группы новыми лицами происходит в спокойные времена, в то время как в периоды социально-экономических и политических потрясений в ее составе удерживаются лишь те, кто имеет опыт работы во внешнеэкономических ведомствах, на советских промышленных предприятиях, а также обладает преимуществами в виде сформированных в годы затишья ресурсов, в том числе – социальных.

Как видим, работ, в фокусе которых находятся сверхбогатые граждане, сравнительно немного. Обратимся теперь к результатам данного исследования, которое также вносит вклад в понимание специфики этой группы.

Динамика состава группы российских сверхбогатых

Первое, что следует отметить, говоря о группе сверхбогатых бизнесменов, которую мы рассматриваем, – это очень неравномерное распределение богатства среди ее представителей. Неравенство по богатству в этой группе за последние 10 лет несколько сократилось, но качественно сохранило свои масштабы (рисунок 1). В 2011 г. среднее значение состояний бизнесменов составило 2,5 млрд долл., в то время как медиана – 1 млрд долл., а величина децильного коэффициента значилась на отметке 15,3; в 2021 г. – 3,3 млрд долл., 1,2 млрд долл. и 13,8 соответственно. Такая неоднородность в рамках небольшой по численности группы свидетельствует о специфике неравенства по богатству в обществе в целом.

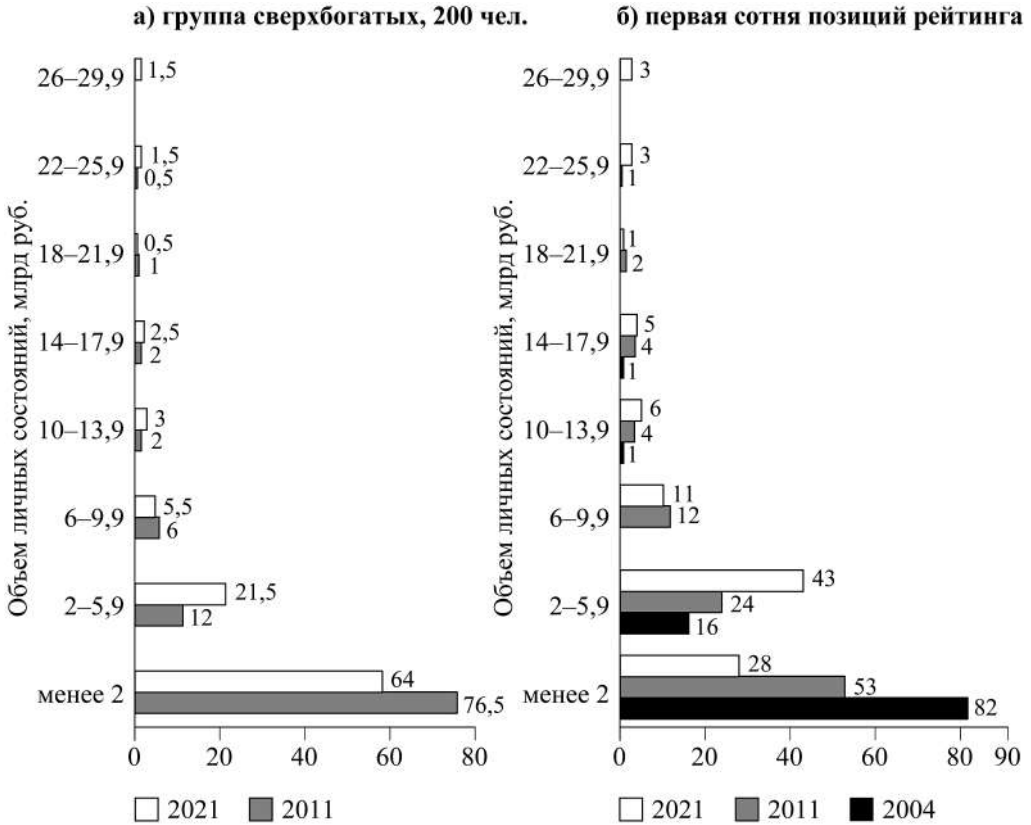

Рисунок 1. Доля сверхбогатых с различным объемом личных состояний, млрд руб., %

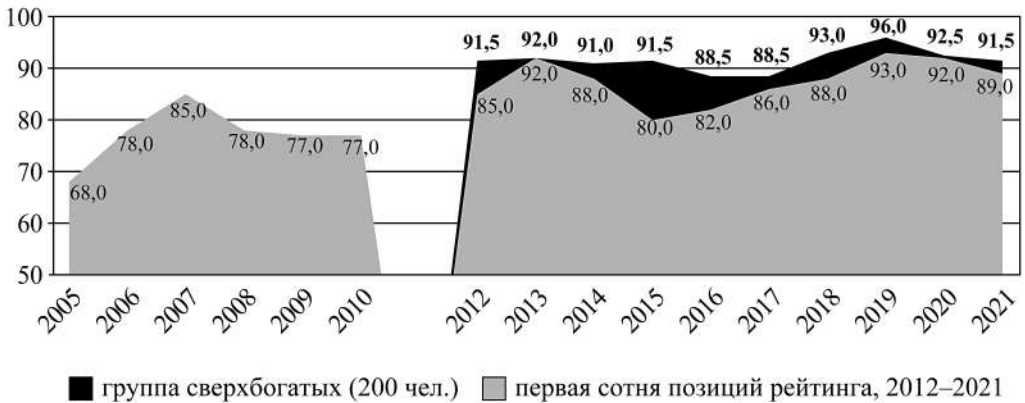

Рисунок 2. Ежегодное воспроизводство состава группы сверхбогатых из списка *Forbes*, 2005–2021 гг., %

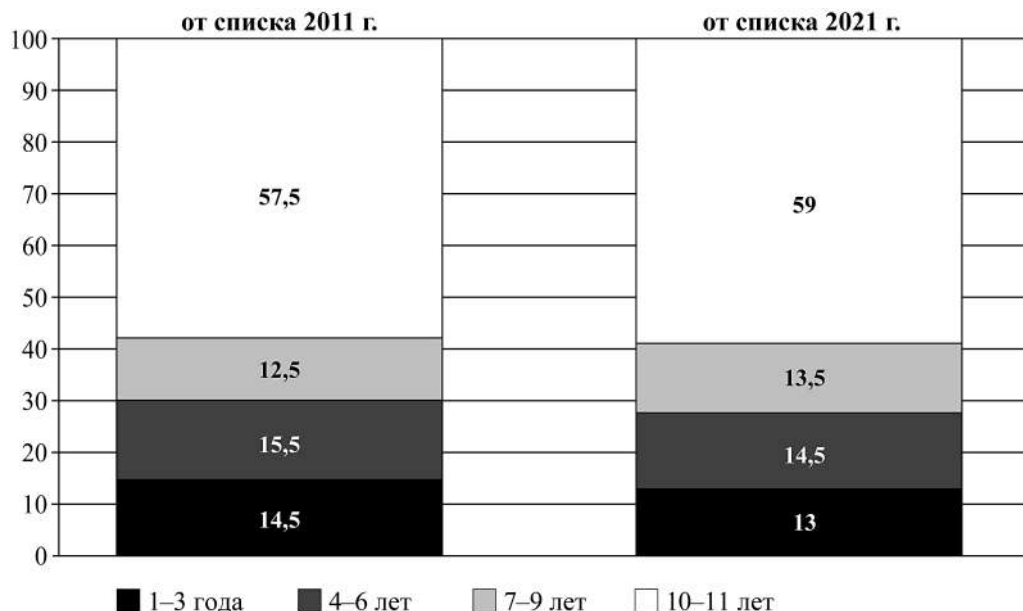

Рисунок 3. Группы с разной длительностью пребывания в списках *Forbes-200* на интервале в 11 лет, 2011–2021 гг., %

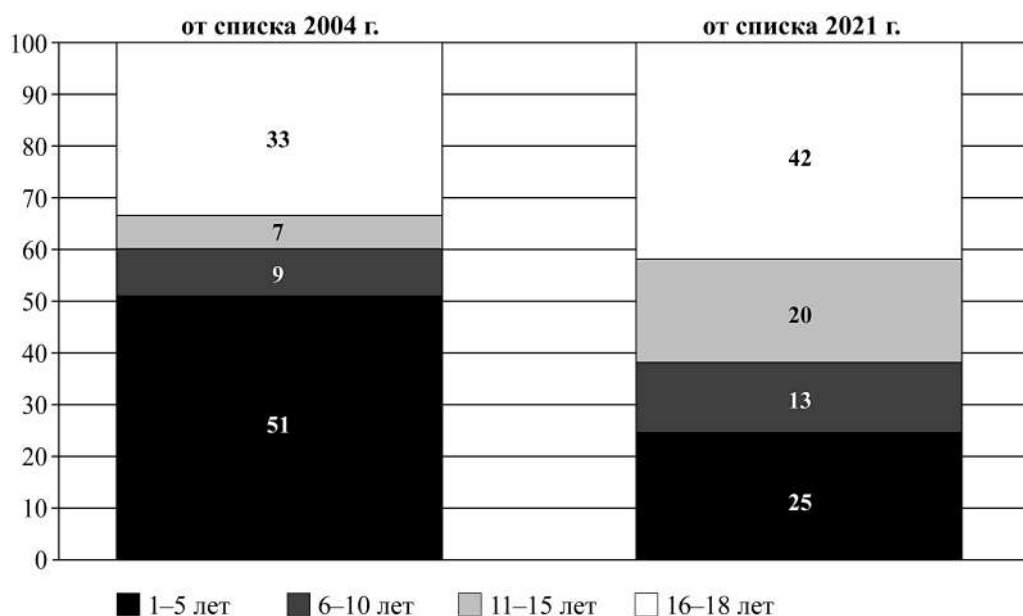

Рисунок 4. Группы с разной длительностью пребывания в списках *Forbes-100* на интервале 18 лет, 2004–2021 гг., %

Списки *Forbes* публикуются ежегодно, что позволяет оценить устойчивость группы сверхбогатых бизнесменов и степень ее закрытости в последнее десятилетие, а также в период 2004–2010 гг., когда список насчитывал только 100 человек. Анализ показывает, что воспроизводство состава сверхбогатых в последнее десятилетие устойчиво характеризовалось достаточно высокими масштабами: группа 200 богатейших бизнесменов ежегодно на более чем 90% состояла из присутствовавших в ней и в предыдущий год (при этом «первая сотня» – на 88%) (рисунок 2).

Обновление группы на более длительном периоде наблюдения, естественно, оказывается выше, однако даже в среднесрочном периоде она сохраняет более половины своего состава. Так, среди тех, кто входил в список в 2021 г., 60,5% присутствовали в нем и в 2011 г. Если же сопоставить данные только «первой сотни», то от общего списка 2021 г. 37% присутствовали в нем еще в 2004 г.

Расширяют понимание о динамике состава группы и данные о длительности пребывания бизнесменов в списках *Forbes*. По этому показателю группа дифференцирована, однако среди образовавших ее в 2021 г. россиян более половины составляют те, кто входил в списки 10 или 11 лет наблюдения, начиная с 2011 г. – таких оказалось 59% (из них все 11 лет подряд попадали в списки 53%). Остальные бизнесмены разделились на три схожие по численности группы, различающиеся длительностью пребывания в составе сверхбогатых россиян (рисунок 3). Численность этих групп была сопоставимой в составе групп образца и 2011 г., и 2021 г. Отметим, что и в промежуточные годы (не только в крайних временных точках – 2011 и 2021 г.) около 60% составляли те, кто был включен в них весь или практически весь период наблюдения (10–11 лет). Таким образом, большинство в каждый момент времени составляли именно устойчивые представители группы.

Если обратиться только к «первой сотне» и оценить длительность пребывания российских бизнесменов в списках в 2004–2021 гг., то даже на таком интервале более 40% находились в ней весь или практически весь период наблюдения. Из входивших в список 2004 г. свои позиции в составе «первой сотни» на протяжении 16–18 лет сохранили более трети (рисунок 4).

Как видно из рисунка 4, к настоящему моменту верхняя половина группы приобрела еще большую устойчивость: в группе 2021 г. заметно снизилась доля тех, кто за 18 лет наблюдений провел в ее составе не более 5 лет, и возросла доля тех, кто оставался в ней не менее 16 лет.

В момент смены методологии формирования рейтингов (расширения в 2011 г. со 100 до 200 позиций) наблюдалось значительное обновление состава людьми, ни разу не попадавшими в списки до 2011 г. При этом абсолютными новичками стали 63 бизнесмена из новой сотни, в то время как 37 бизнесменов попадали в рейтинги и раньше. В целом, можно отметить, что новички в составе группы чаще встречались в 2000-е и реже – в 2010-е гг. (рисунок 5). «Первая сотня» является более закрытой, при этом состав даже двух сотен сверхбогатых характеризуется стабильностью и обновляется медленно, и со временем эта ситуация только усугубляется.

Таким образом, группу характеризуют, во-первых, высокое неравенство богатства и, во-вторых, незначительные и снижающиеся со временем масштабы обновления, а следовательно – высокая устойчивость состава в целом.

Все же некоторое преобразование группы происходит за счет ежегодных изменений и появления «новичков», поэтому можно говорить об определенной проницаемости ее границ [Агафонов, Лепеле 2016]. Однако около 60% группы остаются неизменными на протяжении последнего десятилетия, во многом определяя ее портрет и инертность, к чему мы обратимся далее. Это качественно отличает нынешнюю ситуацию от ситуации 1990-х гг., когда менее чем за десятилетие группа обновилась почти полностью [Крыштановская 2002].

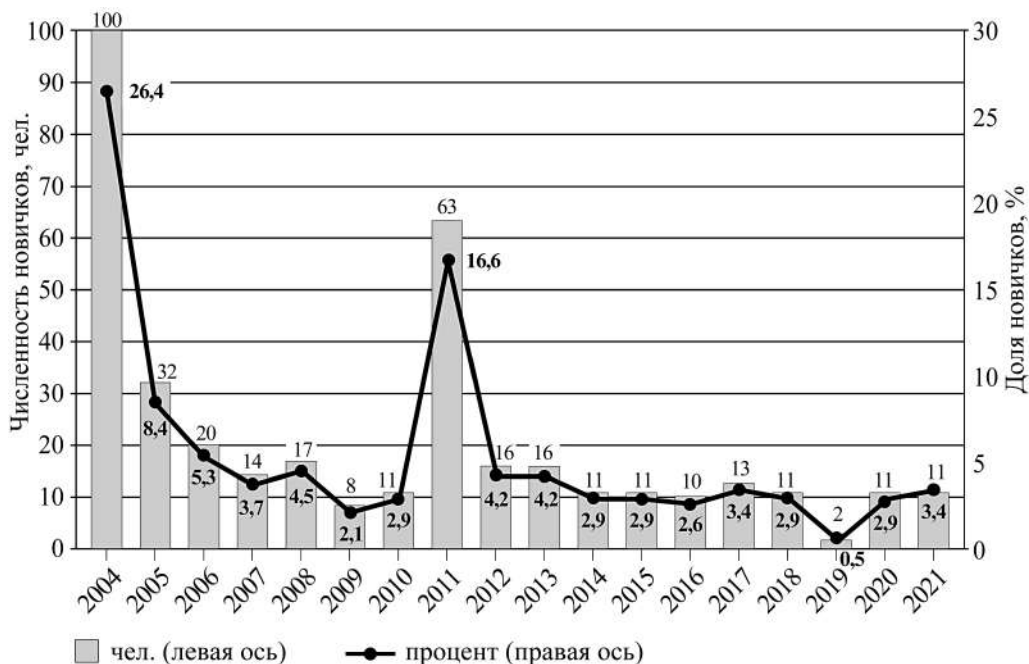

Рисунок 5. Численность «новичков», впервые попавших в списки *Forbes*, 2005–2021 гг.

Обратимся теперь к вопросу о том, кто составляет эту группу, опираясь на дополнительные данные собранной нами эмпирической базы.

Портрет группы российских сверхбогатых и его изменение за последнее десятилетие

Выше мы показали, что из года в год (и даже в среднесрочной перспективе) группа сверхбогатых в высокой степени воспроизводила свой состав. По этой причине портрет группы изменялся довольно слабо: в целом он сохраняет общие черты на протяжении практически 20 лет. Однако в некоторые параметры группы время все же вносило свои коррективы.

Первое, что следует отметить, – это рост числа бизнесменов-женщин в рейтингах, которые в целом характеризуются абсолютным доминированием мужчин. В 2011 г. женщины составляли 0,5% от общего состава группы, в 2021 г. – 3,5%, что в абсолютном выражении означает рост представленности женщин с одной до семи. Более детальный анализ демонстрирует, что за весь рассматриваемый период в состав группы входили всего девять женщин, причем они пополняли группу в основном после рецессии 2014–2016 гг. В первой половине 2010-х членство в группе для них было в принципе недоступным, если не считать единственной представительницы, числившейся в рейтингах еще с 2004 г. Таким образом, высокий гендерный дисбаланс сохраняется и является отличительной особенностью группы, но «золотые двери» в последние годы для женщин все же приоткрылись.

Гендерные особенности российских сверхбогатых соответствуют международным: в целом по миру среди сверхбогатых (лиц с доходами более 30 млн долл., которых принято называть Ultra High Net Worth population (UHNW)) женщины составляют не более 10% от общего числа, и их прирост происходит весьма медленно. Рост представительства женщин является следствием трех основных причин – изменения культурных установок, роста женского предпринимательства и усиления роли внутрисемейных трансфертов в результате получения наследства/супружеской доли при разводе и прочее [Altrata 2021, р. 27], которые отражают процессы социокультурной и экономической модернизации. Российская динамика гендерного состава соответствует мировым тенденциям, и в дальнейшем можно ожидать постепенного роста числа женщин при сохранении доминирования мужчин.

Что же касается историй вхождения именно российских женщин в список богатейших бизнесменов *Forbes*, то, как и в мире в целом, они достаточно разнообразны. Обобщая, можно сказать, что примерно в половине случаев это результат самостоятельного построения бизнеса, в остальных успеху предшествовало предварительное получение капиталов от близких родственников-мужчин (отца, мужа после развода) с последующим использованием данных средств для развития собственных проектов. Жизненные этапы, в которые женщины обретали капиталы, различны: одни с этого стартовали, другие обретали капиталы в середине своего пути, на котором они самостоятельно успели достигнуть немалых успехов. Для генерализации выводов историй успеха столь малого числа женщин пока недостаточно, однако очевидно, что ключевыми факторами выступает как женское предпринимательство, так и семейные трансферты.

Второй отличительной чертой является то, что за прошедшее десятилетие группа постарела практически на восемь лет: в 2011 г. средний возраст ее представителей составлял 50 лет, а к 2021 г. – уже 58 лет (рисунки 6). Для сравнения: в 2004 г. средний возраст в группе 100 богатейших бизнесменов был 47 лет, а в 1995 г. – 42 года [Braguinsky 2009]. Старение группы – логичный результат низких темпов обновления ее состава, продемонстрированных выше. Среди населения в целом такого старения не происходило: с 2012 по 2021 г. средний возраст россиян по всей стране увеличился с 39,2 лет (36,5 среди мужчин) до 40,4 лет (37,6 лет среди мужчин) [Средний возраст населения 2012; Численность населения 2022].

Международный портрет сверхбогатых свидетельствует, что теми или иными путями к сверхбогатству жители мира приходят примерно к 50-летнему возрасту. Попадание в число сверхбогатых в более раннем возрасте становится скорее

исключением из правил (12% сверхбогатых всего мира). Средний возраст сверхбогатых людей мира составляет 64 года, при этом в возрастных границах 50–70 лет находятся 57% из них. Примерно треть (31%) сверхбогатых жителей планеты старше 70 лет, и именно они демонстрируют наибольшее накопленное богатство [Altrata 2021, p. 21]. В этом отношении возрастные характеристики группы сверхбогатых в России в целом соответствуют общемировым, точнее, приближаются к ним, то есть в дальнейшем можно ожидать продолжения процесса «старения» группы.

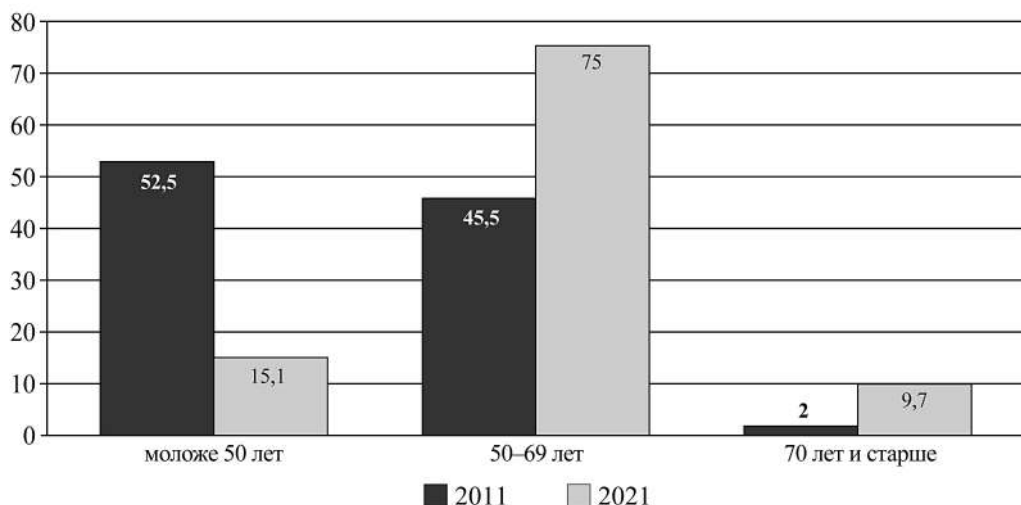

Рисунок 6. Возрастной состав группы сверхбогатых, 2011–2021 гг., %

На фоне всего населения страны группу сверхбогатых отличает высокий уровень образования: лиц с высшим образованием – более 90%⁷. Кроме того, весомую долю (не менее четверти в разные годы) составляли те, кто получил образование сверх высшего. При этом, однако, за годы наблюдений наметился тренд на снижение образовательного уровня бизнесменов: из *рисунка 7а* видно, что это сокращение происходит среди тех, кто получил второе высшее образование или ученую степень (судя по данным «первой сотни», этот тренд начался уже давно) – по всей видимости, дополнительное образование сверх высшего не является для представителей этой группы необходимым и частично заменяется зарубежным образованием, о чем еще будет сказано ниже, а также ввиду роста числа лиц с образованием не выше среднего специального (*рисунок 7б*).

Любопытно отметить, что среди сверхбогатых доминируют те, кто получил образование естественно-научного, а не гуманитарного профиля. Это было свойственно для группы как в 2000-е гг., так и в 2010-е, хотя число гуманитариев постепенно прирастало (в «первой сотне» – с 18,5% в 2004 г. до 31,1% в 2021 г.; в группе в целом – с 26,5% в 2011 г. до 30,9% в 2021 г.).

⁷ В среднем по населению согласно микропереписи 2015 г. высшее образование имели 23,1% россиян [Население, принявшее участие в микропереписи 2015].

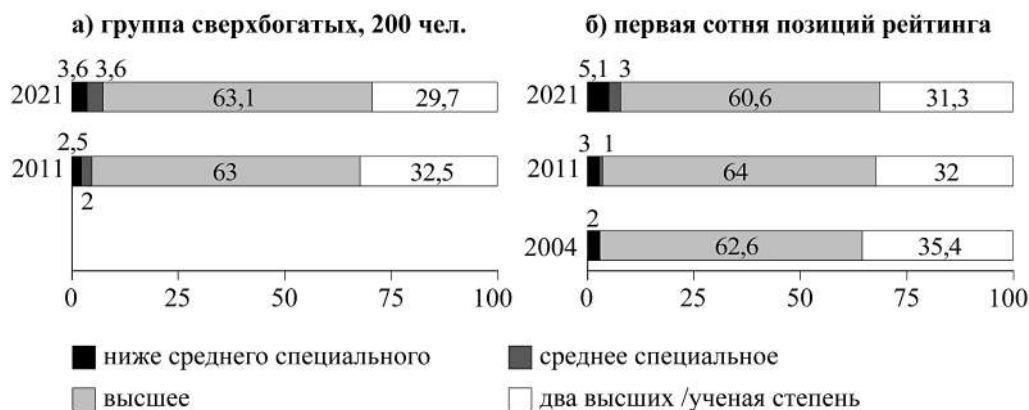

Рисунок 7. Образовательный уровень группы сверхбогатых и «первой сотни» представителей рейтинга, 2004–2021 гг., %

Большинство сверхбогатых обучались в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга, что косвенно свидетельствует о высоком качестве полученного образования, а также о специфике их социализации во время его получения. В период с 2011 по 2021 г. доля получивших образование в столичных учебных учреждениях увеличилась с 63 до 66,8%, а доля тех, кто получил образование за рубежом, – с 1,1% в 2011 г. до 4,3% в 2021 г. (в 2004 г. заграничные дипломы имел лишь 1%).

Столичное образование при этом не связано напрямую со столичным происхождением: лишь 43,2% получивших столичное образование жили в Москве и Санкт-Петербурге с рождения в 2011 г., и к 2021 г. эта доля практически не изменилась (42,4%). Практически пятая часть сверхбогатых, получивших столичное образование, родились в региональных центрах; остальные (более трети представителей) были выходцами из иных городов, сел и ПГТ или даже других стран. Таким образом, обучение в Москве или Санкт-Петербурге отражает не только территориальную локализацию сверхбогатых и семей, из которых они произошли, но и их жизненные стратегии: концентрация жизненных возможностей в столичных городах отражается в росте доли тех, кто приезжает в них для получения высшего образования. Отметим, что группа сверхбогатых в принципе сформирована не только москвичами или петербуржцами, хотя перекося в их пользу наблюдается и со временем усиливается, также отражая пространственное неравенство возможностей. Столичное происхождение характеризовало в 2011 г. лишь 28,1% сверхбогатых, а в 2021 г. – 32,5%; даже среди представителей «первой сотни» их было менее трети. Иными словами, сверхбогатые бизнесмены пока остаются гетерогенными по своему территориальному происхождению (во многом за счет доминирования в этой группе россиян средних и старших возрастов), хотя эта гетерогенность со временем сглаживается за счет новых представителей, пополняющих список.

Несмотря на то, что до диплома о высшем образовании, полученного за рубежом, дошли единицы, опыт обучения в другой стране имеет более широкий круг лиц, и он постепенно увеличивается (в 2011 г. – 6,6%, в 2021 г. – 11,6%).

Интересно, что рост происходил не за счет молодежи, имевшей больше возможностей попасть за границу для обучения, а за счет довольно долго пребывавших в списках средневозрастных бизнесменов. Таким образом, наличие зарубежного образования и более широко распространенного опыта обучения за рубежом со временем встречается в среде сверхбогатых все чаще.

Социальное воспроизводство сверхбогатых охарактеризовать сложнее, так как в открытых источниках недостаточно информации о родителях сверхбогатых и их детях. Возможно, со временем эта ситуация будет меняться, поскольку один из путей пополнения этой группы – через родственные связи и наследование, и в списке уже присутствуют родственники и представители разных поколений одной семьи. Можно предположить, что этот механизм обновления группы будет усиливаться вследствие продолжающегося старения ее представителей. Однако пока группа преимущественно состоит из россиян средних и старших возрастов, и информация об их родителях очень ограничена, особенно факты о матерях (так, информацию об образовании матерей удалось найти не более чем для 15% бизнесменов 2011–2021 гг., а об их профессиональных статусах – не более, чем для четверти). Информация об отцах чуть более доступна, хотя и ее бизнесмены стараются не афишировать: об образовании отца можно найти данные применительно к четверти бизнесменов, а о профессиональном статусе отца – лишь к трети. Несмотря на ограничения имеющихся данных, мы все же охарактеризуем, как изменились родительские семьи сверхбогатых образца 2011 и 2021 гг. (рисунк 8)⁸.

Первое, что следует из *рисунка 8*, – это высокий на фоне всего населения страны уровень образования родителей. Примерно у 9 из 10 сверхбогатых бизнесменов отцы получили высшее образование, а у 7 из 10 – матери⁹. Само соотношение с 2011 г. практически не изменилось, но при этом наблюдается практически двукратный рост числа тех бизнесменов, отцы и матери которых получили два высших образования/ученую степень. Эта тенденция позволяет предположить, что механизмы социального воспроизводства элитных слоев населения в эти годы усиливались.

Второе, что нужно отметить: для семей бизнесменов была не свойственна незанятость родителей, даже матерей. Так, среди бизнесменов, входивших в список *Forbes-2011*, лишь у 1,4% не работали отцы и у 10% – матери; в 2021 г. картина была практически идентичной – 0% и 10,9% соответственно¹⁰. Профессиональный статус родителей на тот момент можно охарактеризовать как довольно высокий: у 6 из 10 бизнесменов как отец, так и мать были либо руководителями предприятий, либо специалистами высшей квалификации. Отличие состояло лишь в том, что отцы чаще являлись руководителями, а матери – специалистами. За период 2011–2021 гг. профессиональный срез по родителям практически не изменился.

В силу доминирования в группе бизнесменов средних и старших возрастов, рождение которых приходилось на советские годы, среди родителей преобладают работники государственных предприятий и учреждений бюджетной сферы. Кроме того, отцы нередко работали и во властных структурах (*рисунк 9*).

⁸ Здесь и далее, пока не сказано иное, рассматриваются только подгруппы бизнесменов 2011 и 2021 гг., у которых известны данные о родителях.

⁹ Для сравнения, согласно данным всероссийской переписи населения 1979 г. в период с 1970 по 1979 г. доля лиц с высшим образованием среди работающих россиян находилась в пределах 6,5–10,0% [Население СССР 1980]. Как видим, высшее образование в те годы получали единицы, и именно из числа таких семей и происходит большая часть сверхбогатых, что и отличает их от большинства их ровесников.

¹⁰ На момент выхода бизнесменов на первую работу.

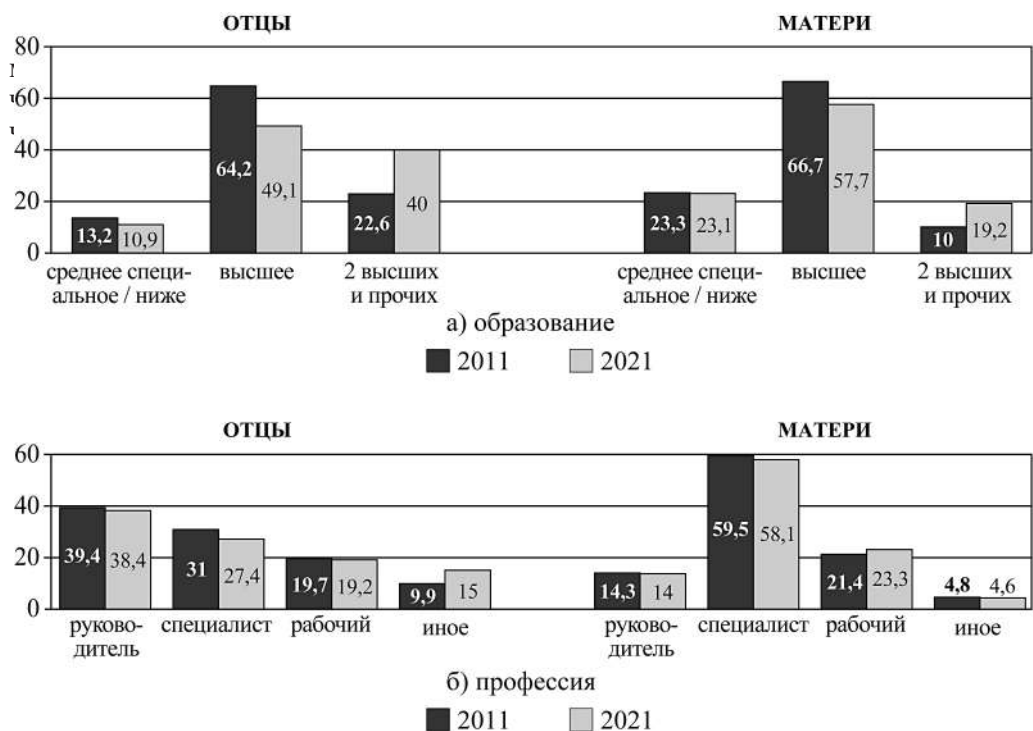

Рисунок 8. Характеристики образования и социально-профессионального статуса родителей сверхбогатых бизнесменов, 2011–2021 гг., %

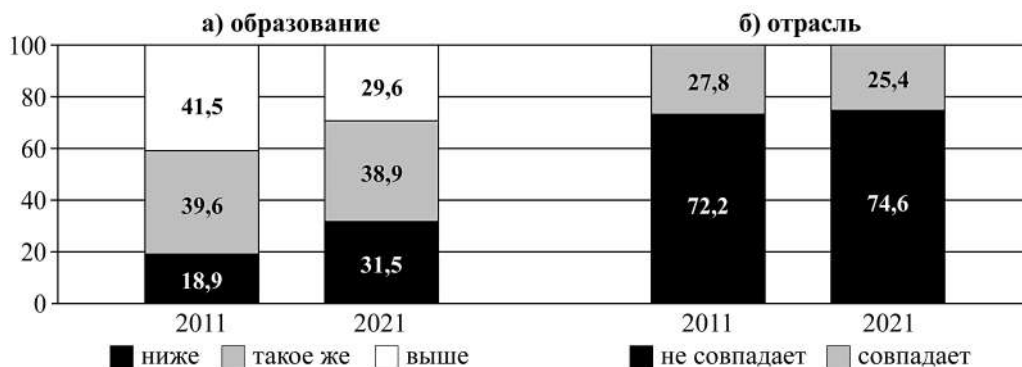
Рисунок 9. Тип предприятий, на которых работали родители бизнесменов, 2011–2021 гг., %

Чаще всего отцы и матери сверхбогатых были трудоустроены в науке/образовании/культуре, промышленности или топливно-энергетическом комплексе (в других отраслях они были представлены значительно реже). В этих отраслях работали 52% отцов и 65,2% матерей бизнесменов, входящих в список 2011 г.

Матери также нередко работали в здравоохранении (еще 13%). За 11-летний промежуток отраслевой срез изменился слабо (в 2021 г. соответствующие показатели составили 58,1, 62,8 и 14% соответственно). Таким образом, бизнесмены, по которым доступны данные о родителях, характеризуются происхождением из высокообразованных семей, в которых зачастую были заняты оба родителя, а их труд в большинстве случаев был умственным и высококвалифицированным. При этом сверхбогатые образца 2021 г. практически не отличаются по характеристикам их социального происхождения от сверхбогатых 2011 г.

Говоря о дальнейших процессах воспроизводства человеческого капитала, можно отметить, что в отношении своих детей бизнесмены делают ставку на зарубежное образование (64% в 2011 г. и 68,8% в 2021 г. среди бизнесменов, имеющих детей, – от числа тех, для кого эта информация известна¹¹). Несмотря на то, что нынешние сверхбогатые смогли занять свои позиции и без иностранных дипломов, они придают высокое значение этому пути накопления человеческого капитала и (что, возможно, является даже более важным фактором) определенной социализации для своих детей.

Повторяют ли бизнесмены путь своих родителей? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы производим сопоставление характеристик бизнесменов с таковыми у их отцов в качестве глав семейств. Как видим из *рисунка 10*, в большинстве случаев бизнесмены не уступают по уровню образования своим отцам. При этом, однако, мы фиксируем тренд снижения уровня образования по сравнению с отцовским за последние 11 лет¹². Речь здесь идет о тех бизнесменах, чьи отцы получили два высших образования/ученую степень и пр. Как уже отмечалось выше, такое образование сверх высшего в современных условиях не представляется им необходимым и частично замещается обучением за рубежом.

Рисунок 10. Соотношение уровня образования и отрасли по первому месту работы у сверхбогатых и их отцов на момент их выхода на первую работу, 2011–2021 гг., %

¹¹ О том, какую именно образовательную стратегию выбрали бизнесмены для своих детей, известно лишь применительно к 43–44% бизнесменов.

¹² Тренд фиксируется не только по данным *рисунка 10а*, но также исходя из динамического ряда, указывающего на показатель в каждый из промежуточных годов.

Собранные данные также позволяли охарактеризовать первое место работы бизнесменов (таблица 1)¹³. Как следует из данных, карьерные пути, ведущие к формированию сверхбогатства, довольно разнообразны. Чуть более трети сверхбогатых начинали свою карьеру с позиции специалиста высшей квалификации, примерно пятая часть – с позиции рабочего, еще столько же – с малого предпринимательства. Старт с высокой должности ((со)руководителя крупного бизнеса) – это нетипичная ситуация с точки зрения карьерной траектории. Далеко не все начинали свой путь в частном секторе (только треть): каждый второй поступал на работу на государственное предприятие или в учреждение бюджетной сферы. Довольно разнороден и отраслевой срез по первому месту работы.

Таблица 1. Характеристики первого рабочего места сверхбогатых россиян, %

Характеристики	2011 г.	2021 г.
<i>Социально-профессиональный статус</i>		
(Со)владелец крупного, среднего бизнеса	7,9	7,0
(Со)владелец малого бизнеса, самозанятый, фрилансер	18,0	24,1
Руководитель высшего и среднего звена, крупный чиновник	11,1	9,6
Специалист с высшим образованием	40,3	38,5
Служащий без высшего образования	4,2	3,7
Рабочий	18,5	17,1
<i>Тип предприятия</i>		
Властные структуры	7,9	8,0
Государственное предприятие	37,1	33,2
Учреждение бюджетной сферы – наука, образование, здравоохранение	18,0	16,6
Частное предприятие	34,4	35,3
Семейное предприятие, самозанятость	2,1	5,3
НКО	0,5	1,6
<i>Отрасль</i>		
Все виды промышленности, кроме нижеперечисленных	21,2	21,0
Наука, образование, культура	15,3	14,7
Торговля, бытовое обслуживание	14,8	17,9
Связь, компьютерные и IT-технологии	2,6	9,5
Финансы, кредитование, страхование	7,9	6,3
Топливо-энергетический комплекс	12,7	7,4
Строительство, жилищно-коммунальное хозяйство	3,7	4,3
Транспорт	2,6	3,2
Другие виды услуг, работа с недвижимостью	3,2	2,6
Государственное и муниципальное управление	3,7	2,6
Другое	12,3	10,5

Примечания: в категорию «Другое» отнесены военно-промышленный комплекс, армия, МВД, МЧС, здравоохранение, спорт, общественное питание, гостиничный бизнес (менее 3% в каждом случае), а также иное, не охваченное перечисленными категориями.

Жирным шрифтом обозначены ячейки, значения в которых приросли по сравнению с 2011 г. на величину более статистической погрешности; *курсивом* обозначены ячейки, значения в которых оказались меньше как минимум на величину статистической погрешности.

¹³ Здесь и далее мы вновь работаем с полными данными по группе сверхбогатых, входящих в списки Forbes (200/100 бизнесменов).

Как видно из *таблицы 1*, старт карьеры у бизнесменов образцов 2011 и 2021 г. отличался слабо. Среди значимого следует отметить, что среди представителей группы 2021 г. было несколько больше тех, кто начинал свою карьеру с открытия малого бизнеса или с samozанятости (если в 2011 г. таких было менее 1/5 группы, то в 2021 г. уже практически четверть)¹⁴. Также следует отметить, что сверхбогатые чаще стартовали с работы в сфере информационных технологий или торговли и реже – в ТЭК.

Более ощутимые изменения наблюдаются в более длительном периоде, который можно проследить для «первой сотни»: в 2004 г. 84,4% сверхбогатых были на первом месте работы наемными сотрудниками (к 2021 г. их доля сократилась до 53,2%). Подавляющее большинство (75%) начинали карьеру в учреждениях бюджетной сферы или на государственных предприятиях (в 2021 г. – уже 54,7%). За эти годы практически вдвое сократилась доля тех, кто стартовал в топливно-энергетическом комплексе, зато втрое приросло число тех, чей путь начинался с ИТ.

Завершая анализ трансформаций, произошедших за рассматриваемый период, отметим, что отраслевая карта бизнеса, который позволил бизнесменам войти в рейтинги сверхбогатых, за последние 11 лет также изменилась слабо (*таблица 2*). Значимым сдвигом стало лишь появление достаточно заметной доли бизнесменов, работающих в ИТ/компьютерной индустрии или в связи. Тремя бессменными лидерами остаются финансы, промышленность и топливно-энергетический комплекс, на долю которых приходится примерно 2/3 всех основных компаний. Судя по данным «первой сотни», эта триада как наиболее перспективная удерживает свои позиции еще с 2004 г. По росту категории «другое» в долгосрочной перспективе мы можем судить о постепенной смене бизнес-стратегий сверхбогатых, однако с фундаментальной точки зрения этот тренд пока еще не сильно отразился на отраслевом срезе в целом.

Таблица 2. Отраслевая принадлежность основной компании сверхбогатых, 2011–2021 гг., %

Отрасль	А) Группа сверхбогатых, 200 чел.		Б) «Первая сотня» сверхбогатых		
	2011 г.	2021 г.	2004 г.	2011 г.	2021 г.
Финансы, кредитование, страхование	28,5	20,6	25,3	26,0	21,0
Промышленность	27,5	30,7	33,3	28,0	34,0
Топливо-энергетический комплекс	15,0	11,1	23,2	16,0	12,0
Связь, компьютерные технологии, ИТ	3,5	12,6	6,1	2,0	9,0
Торговля, бытовое обслуживание	5,5	9,0	3,0	5,0	6,0
Строительство, жилищно-коммунальное хозяйство	7,0	4,0	6,1	8,0	5,0
Транспорт	5,5	4,0	1,0	6,0	3,0
Другая отрасль	7,5	8,0	2,0	9,0	10,0

Примечание: **жирным шрифтом** обозначены ячейки, значения в которых приросли на величину более статистической погрешности; *курсивом* – те, значения в которых снизились.

¹⁴ Для сравнения: по населению в целом лишь 6,7% занятых россиян в 2021 г. работали не в найме [Рабочая сила 2022].

Выводы

Проведенное исследование позволило проанализировать феномен сверхбогатства в России в рамках социологического подхода, оценив особенности и динамику состава и положения группы, которая обычно остается за границами исследований социальной стратификации, хотя играет ключевую роль в формировании общего контура неравенства с точки зрения концентрации богатства. Важно, что именно специфика концентрации богатства в руках самой «верхушки» (даже не верхнего 1%) наиболее ярко отличает Россию от других стран. Происходящие в этой группе трансформации, с одной стороны, отражают соответствующие изменения российских реалий с растущей ролью новых отраслей, концентрацией возможностей в столичных городах, увеличением значимости в элитарных слоях населения зарубежного образования, особенно для детей. С другой стороны, устойчивость этой группы обеспечивает инертность ее характеристик и отсутствие качественных изменений в ее составе и портрете в отличие от раннего периода формирования бизнес-элиты в России в 1990-х гг., а отсутствие фундаментальных структурных изменений в экономике сохраняет роль ключевых отраслей для формирования сверхбогатств.

Исследование показало, что группа сверхбогатых характеризуется высоким неравенством по объемам своих состояний. Высокое и не снижающееся со временем неравенство по богатству даже в этой очень небольшой по численности группе свидетельствует о специфике неравенства, характеризующего страну в целом.

Группа сверхбогатых россиян ежегодно воспроизводит свой состав более чем на 90%, в целом за период 2011–2021 гг. – более чем на 60%; даже на длительном интервале 2004–2021 гг. «первая сотня» сохранила свой состав практически на треть. Хотя границы группы закрыты не полностью и проницаемы (как для самостоятельных бизнесменов, так и для родственников уже присутствующих в списке), темпы этого обновления достаточно низкие. Отметим, что устойчивость сверхбогатства принципиально отличается от неустойчивости массового благополучия, которое характеризует специфику положения верхних групп среди массовых слоев населения [Mareeva, Slobodenyuk 2022].

Стабильные представители группы за счет своей численности во многом определяют и обобщенный портрет группы сверхбогатых, который демонстрирует инертность характеристик. В среднесрочной перспективе фундаментальных изменений в составе группы практически не происходит, кроме заметного ее старения, которое постепенно приближает ее к типичному портрету группы сверхбогатых по миру в целом. Однако намечаются некоторые тренды, заслуживающие внимания. Группа продолжает характеризоваться гендерным дисбалансом, но при этом в последние годы наблюдается нетипичный для нее ранее рост числа женщин в ее составе (как родственниц уже присутствующих в списках бизнесменов-мужчин, так и самостоятельных предпринимательниц), что соответствует общемировым тенденциям, складывающимся под влиянием роста включенности женщин в бизнес, культурных изменений, особенностей внутрисемейных трансфертов. Сверхбогатые продолжают отличаться очень высоким уровнем образования на общестрановом фоне, что было свойственно для них даже в начале формирования этой группы, в 1990-е гг. [Braguinsky 2009], хотя в последнее время

они стали реже тратить ресурсы на получение второго высшего образования или ученых степеней. При этом среди них все чаще встречаются те, кто имел опыт длительного обучения в другой стране, получил зарубежный диплом о высшем образовании, а также те, кто отправил ребенка на обучение в другую страну. Это указывает на изменение сравнительной значимости для них разных типов образования при сохранении установки на необходимость высшего образования как для себя, так и для детей.

Доступная информация позволяет увидеть, что сверхбогатые бизнесмены отличаются происхождением из достаточно высоких социальных слоев, и эта особенность в динамике лишь усиливается, свидетельствуя о социальном закрытии группы. Снижается со временем и свойственная группе неоднородность по месту рождения и получения высшего образования, хотя доля родившихся в столицах до сих пор не превышает трети. Таким образом, в этой группе отражаются реалии пространственного неравенства в стране – в частности, концентрация возможностей в столичных городах и роль столичного образования, важные для накопления не только человеческого, но и социального капитала. Однако эти изменения происходят не быстро, поскольку в составе группы до сих пор доминируют бизнесмены средних и старших возрастов, начинавшие трудовой путь в других институциональных условиях. Они во многом и обеспечивают гетерогенность этой группы по месту рождения и получению образования, а также социальному происхождению и старту карьеры.

За счет того, что в составе группы образца 2021 г. насчитывается больше бизнесменов, стартовавших еще во времена перестройки или после нее, произошли изменения и в их карьерных траекториях. С 2011 по 2021 г. среди сверхбогатых стали чаще встречаться те, кто начинал свой путь в частном секторе, в частности – с открытия малого бизнеса или участия в управлении им (на тенденцию дифференциации профессиональных траекторий этой группы исследователи уже обращали внимание и ранее [Агафонов, Лепеле 2016]). Ключевым отраслевым изменением последнего десятилетия оказался рост числа бизнесменов, чей бизнес относится к сфере компьютерных технологий, IT и связи. Хотя следует оговориться, что на сегодняшний день примерно 2/3 бизнесменов владеют корпорациями, относящимися к топливно-энергетическому комплексу, а также к финансам и промышленности, и эти отрасли устойчиво занимают ведущие позиции для формирования сверхбогатств.

Что смогут привнести в динамику и положение группы отдельные «новички» уже 2020-х гг., использовавшие новые возможности, и насколько устойчивым окажется их положение в группе, покажет время. Другой путь обновления группы – через родственные связи и наследование, и этот механизм также, видимо, будет разворачиваться все шире с учетом старения ее представителей. Можно предположить, что по мере передачи накопленных состояний следующему поколению однородность группы будет расти. Это будет способствовать и укреплению ее классового самосознания, и формированию общих классовых интересов, на что уже обращали внимание исследователи [Schimpfössl 2018]. Однако какие изменения для этой группы принесет с собой период новой турбулентности, в который сегодня вновь вступила страна, еще предстоит изучить: возможно, что новые трансформации смогут открыть и новые механизмы формирования сверхбогатств.

Список источников

- Агафонов Ю.Г., Лепеле В.Р. (2016) «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России // Мир России. Т. 25. № 3. С. 97–125 // <https://mirros.hse.ru/article/view/4897/5262>, дата обращения 12.12.2023.
- Крыштановская О.В. (2002) Бизнес-элита и олигархии: итоги десятилетия // Мир России. Т. 11. № 4. С. 3–60 // <https://mirros.hse.ru/article/view/5300/5689>, дата обращения 12.12.2023.
- Население, принявшее участие в микропереписи, по полу, возрастным группам и уровню образования (2015) // Федеральная служба государственной статистики РФ // https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html, дата обращения 12.12.2023.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. (1980). М.: Политиздат.
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы) (2022). Статистический сборник. М.: Росстат // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf, дата обращения 12.12.2023.
- Средний возраст населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2012 г. (2012) // Федеральная служба государственной статистики РФ // https://gks.ru/bgd/regl/B12_111/Main.htm, дата обращения 12.12.2023.
- Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (2022). Статистический бюллетень. М.: Росстат // <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284>, дата обращения 12.12.2023.
- Altrata World Ultra Wealth Report 2021 (2021) // Wealth-X // <https://go.wealthx.com/world-ultra-wealth-report-2021>, дата обращения 12.12.2023.
- Alvaredo F., Atkinson A., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2016) Distributional National Accounts (DINA) Guidelines: Concepts and Methods Used in WID.
- Atkinson R. (2016) Limited Exposure: Social Concealment, Mobility and Engagement with Public Space by the Super-rich in London // Environment and Planning A: Economy and Space, vol. 48, no 7, pp. 1302–1317. DOI: 10.1177/0308518X15598323
- Braguinsky S. (2009) Postcommunist Oligarchs in Russia: Quantitative Analysis // Journal of Law and Economics, vol. 52, no 2, pp. 307–349. DOI: 10.1086/589656
- Chauvel L. (2022) The Extreme Wealth-Income Ratio (EWIR): The Joker Smile Curve (JSC) and the New Age of Extremes // LIS Working Paper Series. No. 39.
- Elinder M., Erixson O., Waldenström D. (2018) Inheritance and Wealth Inequality: Evidence from Population Registers // Journal of Public Economics, vol. 165, pp. 17–30. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2018.06.012
- Global Wealth Databook (2021) // Credit Suisse Research Institute // <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-databook-2021.pdf>, дата обращения 12.12.2023.
- Global Wealth Report (2021) // Credit Suisse Research Institute // <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2021-en.pdf>, дата обращения 12.12.2023.
- Guriev S., Rachinsky A. (2005) The Role of Oligarchs in Russian Capitalism // Journal of Economic Perspectives, vol. 19, no 1, pp. 131–150. DOI: 10.1257/0895330053147994
- Hecht K. (2017) A Relational Analysis of Top Incomes and Wealth: Economic Evaluation Relative (Dis)advantage and the Service to Capital // LSE International Inequalities Institute. Working Paper.
- Hjellbrekke J., Le Roux B., Korsnes O., Lebaron F., Rosenlund L., Rouanet H. (2007) The Norwegian Field of Power Anno 2000 // European Societies, vol. 9, no 2, pp. 245–273. DOI: 10.1080/14616690601002749
- Kantola A. (2020) Gloomy at the Top: How the Wealthiest 0.1% Feel about the Rest // Sociology, vol. 54, no 5, pp. 904–919. DOI: 10.1177/0038038520910344

- Kantola A., Kuusela H. (2019) Wealth Elite Moralities: Wealthy Entrepreneurs' Moral Boundaries // *Sociology*, vol. 53, no 2, pp. 368–384. DOI: 10.1177/0038038518768175
- Keister L.A., Lee H.Y. (2017) The Double One Percent: Identifying an Elite and a Super-elite Using the Joint Distribution of Income and Net Worth // *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 50, pp. 1–12. DOI: 10.1016/j.rssm.2017.03.004
- Keister L., Lee H.Y., Yavorsky J.E. (2021) Gender and Wealth in the Super-Rich: Asset Differences in Top Wealth Households in the United States, 1989–2019 // *Sociologica*, vol. 15, no 2, pp. 25–55. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/12394
- Korom P., Lutter M., Beckert J. (2017) The Enduring Importance of Family Wealth: Evidence from the Forbes 400, 1982 to 2013 // *Social Science Research*, vol. 65, pp. 75–95. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2017.03.002
- Kuusela H. (2018) Learning to Own: Cross-generational Meanings of Wealth and Class-making in Wealthy Finnish Families // *The Sociological Review*, vol. 66, no 6, pp. 1161–1176. DOI: 10.1177/0038026118777698
- Larsen C.A. (2016) How Three Narratives of Modernity Justify Economic Inequality // *Acta Sociologica*, vol. 59, no 2, pp. 93–111. DOI: 10.1177/0001699315622801
- Larsen A., Ellersgaard C. (2015) Data Exchange Network: The Danish Elite Network // *Connections*, vol. 35, no 1. DOI: 10.17266/35.1.5
- Lu P. (2017) The Horatio Alger Myth in China: Origins of the First Generation of Visibly Richest Chinese Private Entrepreneurs // *China: An International Journal*, vol. 15, no 2, pp. 75–97. DOI: 10.1353/chn.2017.0017
- Lu P., Fan X., Fu F. (2021) Profile of the Super Rich in China: A Social Space Analysis // *The British Journal of Sociology*, vol. 72, no 3, pp. 543–565. DOI: 10.1111/1468-4446.12848
- Mareeva S., Slobodenyuk E. (2022) A Society of Unstable Well-Being: Income Mobility and Immobility in Russia // *Europe-Asia Studies*, pp. 1–19. DOI: 10.1080/09668136.2022.2120182
- Neumayer E. (2004) The Super-rich in Global Perspective: A Quantitative Analysis of the Forbes List of Billionaires // *Applied Economics Letters*, vol. 11, no 13, pp. 793–796. DOI: 10.1080/1350485042000258283
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018) From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // *The Journal of Economic Inequality*, vol. 16, no 2, pp. 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0
- Savage M., Hjellbrekke J. (eds.) (2021) *The Sociology of Elites: A European Stocktaking and Call for Collaboration*, London: The London School of Economics and Political Science Houghton Street.
- Schimpfössl E. (2018) *Rich Russians: From Oligarchs to Bourgeoisie*, Oxford University Press.
- Storti L., Dagnes J. (2021) The Super-Rich: Origin, Reproduction, and Social Acceptance // *Sociologica*, vol. 15, no 2, pp. 5–23. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/13546
- Treisman D. (2016) Russia's Billionaires // *American Economic Review*, vol. 106, no 5, pp. 236–241. DOI: 10.1257/aer.p20161068
- When Clients Take the Lead (2021) // *Global Wealth 2021*, Boston Consulting group // <https://web-assets.bcg.com/d4/47/64895c544486a7411b06ba4099f2/bcg-global-wealth-2021-jun-2021.pdf>, дата обращения 12.12.2023.
- World Wealth Report (2021) // *Capgemini Research Group* // <https://worldwealthreport.com/resources/world-wealth-report-2021/#>, дата обращения 30.09.2021.

The Super-Rich in Russia: Dynamics and Demographics

S.V. MAREEVA*, E.D. SLOBODENYUK**

*Svetlana V. Mareeva – PhD in Sociology, Director of the Centre for Stratification Studies of the Institute for Social Policy, HSE University, Moscow, Russian Federation, smareeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

**Ekaterina D. Slobodenyuk – PhD in Sociology, Senior Researcher, Centre for Stratification Studies of the Institute for Social Policy, HSE University, Moscow, Russian Federation, eslobodenyuk@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-5050>

Citation: Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2024) The Super-Rich in Russia: Dynamics and Demographics. *Mir Rossii*, vol. 33, no 1, pp. 29–55 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-29-55

Abstract

This study is dedicated to the elusive and relatively under-researched group of super-rich Russians. The research focuses on Russians on the Forbes list of the wealthiest people from 2004 to 2021. Based on a specially compiled empirical database, the composition of the group was analyzed according to key socio-economic and demographic indicators. The changes throughout Russia's recent history and the overall dynamics of the group were assessed.

It was shown that the group largely reproduces its composition—almost 90 % annually and approximately two-thirds in the medium term. Over the past decade, due to the low rate of renewal, the main features of its composition have changed little, but certain trends are noteworthy. Today's super-rich are predominantly male, although women have entered the ranks in recent years. They are characterized by high levels of education, although the relative importance of postgraduate education has declined over time, partly replaced by foreign education, including for their children. Most members tend to have a relatively high social origin, although data for the older generation, who dominate the group, in this regard are limited. In terms of place of birth and place of higher education, there is an increasing shift towards the capitals where opportunities are concentrated, although some diversity remains. This diversity is accentuated by a shift in its composition toward older Russians whose places of birth and education are more varied. Due to the stability of its composition, the group continues to age. The career trajectories of super-rich Russians vary widely: the group includes businessmen who started from both high and low professional positions. Over time, the proportion of entrepreneurs has grown.

The sectoral composition of the businesses of Russia's super rich has changed little over the past decade, reflecting the lack of fundamental structural changes in the economy. However, sectors related to services and information/technology are becoming more prominent. The identified characteristics and dynamics of the group reflect the country's developmental nuances with the changing relative roles of different sectors, the declining importance of the public sector as a starting point, and the concentration of opportunities in the capital cities, among other factors. On the other hand, the stability of the group ensures the inertia of its characteristics and the absence of significant changes in its composition from the 2000s to the 2020s, in contrast to the 1990s when the group underwent much more significant renewal, and its evolving profile was more evident.

Keywords: *super-rich, Russian business elite, inequality, social stratification, wealth concentration, Forbes, demographics of the super-rich*

This research was supported by the HSE University Fundamental Research Program.

This article was received in February 2023.

References

- Agafonov Y., Lepele V. (2016) The “Golden Doors” to Russian Business Elite: the Recruitment Process and the Structural Transformation of Large-scale Business in Post-Soviet Russia. *Mir Rossii*, vol. 25, no 3, pp. 97–125. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4897/5262>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Altrata World Ultra Wealth Report 2021 (2021). *Wealth-X*. Available at: <https://go.wealthx.com/world-ultra-wealth-report-2021>, accessed 12.12.2023.
- Alvaredo F., Atkinson A., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2016) *Distributional National Accounts (DINA) Guidelines: Concepts and Methods Used in WID*.
- Atkinson R. (2016) Limited Exposure: Social Concealment, Mobility and Engagement with Public Space by the Super-rich in London. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 48, no 7, pp. 1302–1317. DOI: 10.1177/0308518X15598323
- Average Age of Population by Constituent Entities of the Russian Federation as of January 1, 2012 (2012). *Federal State Statistics Service*. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/B12_111/Main.htm, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Braguinsky S. (2009) Postcommunist Oligarchs in Russia: Quantitative Analysis. *Journal of Law and Economics*, vol. 52, no 2, pp. 307–349. DOI: 10.1086/589656
- Chauvel L. (2022) The Extreme Wealth-Income Ratio (EWIR): The Joker Smile Curve (JSC) and the New Age of Extremes. *LIS Working Paper Series*. No. 39.
- Elinder M., Erixson O., Waldenström D. (2018) Inheritance and Wealth Inequality: Evidence from Population Registers. *Journal of Public Economics*, vol. 165, pp. 17–30. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2018.06.012
- Global Wealth Databook (2021). *Credit Suisse Research Institute*. Available at: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-databook-2021.pdf>, accessed 12.12.2023.
- Global Wealth Report (2021). *Credit Suisse Research Institute*. Available at: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2021-en.pdf>, accessed 12.12.2023.
- Guriev S., Rachinsky A. (2005) The Role of Oligarchs in Russian Capitalism. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 19, no 1, pp. 131–150. DOI: 10.1257/0895330053147994
- Hecht K. (2017) A Relational Analysis of Top Incomes and Wealth: Economic Evaluation Relative (Dis)advantage and the Service to Capital. *LSE International Inequalities Institute*. Working Paper.
- Hjellbrekke J., Le Roux B., Korsnes O., Lebaron F., Rosenlund L., Rouanet H. (2007) The Norwegian Field of Power Anno 2000. *European Societies*, vol. 9, no 2, pp. 245–273. DOI: 10.1080/14616690601002749
- Kantola A. (2020) Gloomy at the Top: How the Wealthiest 0.1% Feel about the Rest. *Sociology*, vol. 54, no 5, pp. 904–919. DOI: 10.1177/0038038520910344
- Kantola A., Kuusela H. (2019) Wealth Elite Moralities: Wealthy Entrepreneurs’ Moral Boundaries. *Sociology*, vol. 53, no 2, pp. 368–384. DOI: 10.1177/0038038518768175
- Keister L.A., Lee H.Y. (2017) The Double One Percent: Identifying an Elite and a Super-elite Using the Joint Distribution of Income and Net Worth. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 50, pp. 1–12. DOI: 10.1016/j.rssm.2017.03.004
- Keister L., Lee H.Y., Yavorsky J.E. (2021) Gender and Wealth in the Super-Rich: Asset Differences in Top Wealth Households in the United States, 1989–2019. *Sociologica*, vol. 15, no 2, pp. 25–55. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/12394
- Korom P., Lutter M., Beckert J. (2017) The Enduring Importance of Family Wealth: Evidence from the Forbes 400, 1982 to 2013. *Social Science Research*, vol. 65, pp. 75–95. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2017.03.002
- Kryshstanovskaya O.V. (2002) Business Elite and Oligarchs: Results of the Decade. *Mir Rossii*, vol. 11, no 4, pp. 3–60. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5300/5689>, accessed 12.12.2023 (in Russian).

- Kuusela H. (2018) Learning to Own: Cross-generational Meanings of Wealth and Class-making in Wealthy Finnish Families. *The Sociological Review*, vol. 66, no 6, pp. 1161–1176. DOI: 10.1177/0038026118777698
- Labour Force, Employment and Unemployment in Russia (Based on Sample Labour Force Surveys)* (2022). Statistical Yearbook, Moscow: Rosstat. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Larsen C.A. (2016) How Three Narratives of Modernity Justify Economic Inequality. *Acta Sociologica*, vol. 59, no 2, pp. 93–111. DOI: 10.1177/0001699315622801
- Larsen A., Ellersgaard C. (2015) Data Exchange Network: The Danish Elite Network. *Connections*, vol. 35, no 1. DOI: 10.17266/35.1.5
- Lu P. (2017) The Horatio Alger Myth in China: Origins of the First Generation of Visibly Richest Chinese Private Entrepreneurs. *China: An International Journal*, vol. 15, no 2, pp. 75–97. DOI: 10.1353/chn.2017.0017
- Lu P., Fan X., Fu F. (2021) Profile of the Super Rich in China: A Social Space Analysis. *The British Journal of Sociology*, vol. 72, no 3, pp. 543–565. DOI: 10.1111/1468-4446.12848
- Mareeva S., Slobodenyuk E. (2022) A Society of Unstable Well-Being: Income Mobility and Immobility in Russia. *Europe-Asia Studies*, pp. 1–19. DOI: 10.1080/09668136.2022.2120182
- Microcensus Population by Gender, Age Groups and Education Level (2015). *Federal State Statistics Service*. Available at: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Neumayer E. (2004) The Super-rich in Global Perspective: A Quantitative Analysis of the Forbes List of Billionaires. *Applied Economics Letters*, vol. 11, no 13, pp. 793–796. DOI: 10.1080/1350485042000258283
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018) From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 16, no 2, pp. 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0
- Population of the Russian Federation by Gender and Age as of January 1, 2022* (2022). Statistical Bulletin, Moscow: Rosstat. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Population of the USSR: According to the 1979 All-Union Population Census* (1980), Moscow: Politizdat (in Russian).
- Savage M., Hjellbrekke J. (eds.) (2021) *The Sociology of Elites: A European Stocktaking and Call for Collaboration*, London: The London School of Economics and Political Science Houghton Street.
- Schimpfössl E. (2018) *Rich Russians: From Oligarchs to Bourgeoisie*, Oxford University Press.
- Storti L., Dagnes J. (2021) The Super-Rich: Origin, Reproduction, and Social Acceptance. *Sociologica*, vol. 15, no 2, pp. 5–23. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/13546
- Treisman D. (2016) Russia's Billionaires. *American Economic Review*, vol. 106, no 5, pp. 236–241. DOI: 10.1257/aer.p20161068
- When Clients Take the Lead (2021). *Global Wealth 2021*, Boston Consulting group. Available at: <https://web-assets.bcg.com/d4/47/64895c544486a7411b06ba4099f2/bcg-global-wealth-2021-jun-2021.pdf>, accessed 12.12.2023.
- World Wealth Report (2021). *Capgemini Research Group*. Available at: <https://worldwealthreport.com/resources/world-wealth-report-2021/#>, accessed 30.09.2021.